

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

1915 № 5

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 5.

Стъ редакціи.

Д. Левинъ. „Толстой и Карлейль“ (статья).

Дм. Крючковъ. „Безъ родины“ (разсказъ).

А. Блокъ. „Безповоротно“ (стихотворенія).

Ив. Данновъ. „Онъ“ (разсказъ).

Д. Мейеръ. „Частное и общее“ (статья).

Вѣсти и мнѣнія. Евг. Мауринъ. „Въ театральнѣ Москвѣ“.

ХРОНИКА.

Къ рисункамъ Г. К. Лукомскаго.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Портретъ **Л. Н. Толстого.**

Заставки Д. Митрохина, В. Яннауэръ.

Лукомскій: „Львовъ“ (р.-к. соборъ во Львовѣ, униатскій соборъ св. Юра, костель доминиканцевъ).

Фотографія: Заслуженный артистъ В. Н. Давыдовъ приноситъ рѣчь на могилѣ В. В. Стрѣльской.

Военныя иллюстраціи: „Раздача рождественскихъ подарковъ“, „Захватенный германскій автомобиль“, „Русскій обозъ въ Польшѣ“, „Перевозка тяжелораненаго“, „Автомобильная рота“, „Постройка дороги для автомобилей“, „На молитвѣ“, „Слѣдять за „таубе““.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій **Л. Н. ТОЛСТОГО** съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р. Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій **Л. Н. ТОЛСТОГО**), съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать **СТАРЫЙ АДРЕСЪ** и **ТРИДЦАТЬ (30) коп.** почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Полное собраніе сочиненій **Льва Ник. ТОЛСТОГО** (смотри стр. 4 обложки).

30 премій **НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ** премій 30

ЛУЧЪ

Журналъ „ЛУЧЪ“ ставитъ себѣ задачу давать полное отраженіе злободневныхъ событій въ литературныхъ произведеніяхъ и художественныхъ иллюстраціяхъ.

Въ теченіе происходящей міровой войны весь текстъ и всѣ рисунки въ „ЛУЧЪ“ будутъ посвящены военнымъ событіямъ.

Съ первыхъ номеровъ на страницахъ „ЛУЧЪ“ печатается историческій романъ-быль **И. И. Нерадова: „ЗА МИРЪ МІРА“**. Въ яркомъ изображеніи въ этомъ произведеніи развертывается героическая эпопея кровавой страды народовъ.

Преслѣдуя наиболѣе полное единеніе съ читателями, журналъ „ЛУЧЪ“ отводитъ видное мѣсто голосу читателя, предоставляя высказываться по поводу злободневныхъ событій.

Подписчики „ЛУЧЪ“ въ 1915 году получаютъ слѣдующія **30 премій: 25 выпусковъ** большого, сенсациональнаго злободневнаго романа „Тайны австрійскаго двора“ (за кулисами войны).

4 большіихъ (18х15 дюймовъ) художественно-исполненныхъ картины, изъ ражающія выдающіеся моменты происходящей міровой войны.

1 карту военныхъ дѣйствій большого формата, отпечатанную въ нѣсколько красокъ.

Подписная цѣна: на годъ—4 р., на 1/2 года—2 р. 50 к.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ января по апрѣль. Адресъ для переводовъ: Москва, въ контору журнала „ЛУЧЪ“. Пробный № высылается по требованію бесплатно.

КОЛЛЕКЦІЯ ИЗБРАННЫХЪ ВЕЛИКОЛѢПНЫХЪ УЗОРОВЪ

для вышиванія различнаго рода издѣлій. Въ узоры напечатаны въ сколько дѣльныхъ красокъ. Коллекція содержитъ 68 листовъ новыхъ узоровъ. Цѣна 3 рубля съ пересылкой.

Требованія адресовать Акціонерному Обществу Издат. А. А. НАСЛ. Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. 20.

Открыта подписка на 1915 годъ (15-й г. изд.) на

„ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“

еженедѣльный, иллюстр. старѣйшій въ Россіи журналъ, посвященн. въ видамъ охоты и путешествіямъ.

Въ 1915 г. „ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“ ДАСТЪ:

48 номеровъ художеств.-иллюстр. журнала и слѣдующія приложенія: 1 настольную книгу, необходим. въ мѣс. ружейныхъ охотникамъ: Прав. ское руководство для ружейныхъ охотниковъ. Охотничье дробовое и пулев. боевое оружіе, простое и магазинное, одно- и двухствольное, трехствольное, рехствольное. Вой и служба ружья. Сост. Гражданскій Инженеръ. 320 стр. больш. формата, съ массою рисунковъ и таблицъ.

1 книгу 240 стр. больш. формата: „ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ и СТ. ТВОРЕНІЯ“, избранн. произвед. сотрудн. журнала.

12 худож. открытыхъ писемъ съ рисунками въ краскахъ на охотнич. жетъ. Цѣна со всѣми приложеніями 6 руб. въ годъ съ пересылкой. У. еающіе сразу 6 руб. получаютъ всѣ приложенія немедленно, съ 1-мъ ном. журнала. Цѣна журнала безъ приложеній 4 р. 50 к. въ годъ съ пересылк.

Допускается разсрочка: съ приложеніями—при подпискѣ 4 руб., ост. къ 1-му мая; безъ прилож.—при подпискѣ 2 р. 50 к., остальные къ 1-му м. Адресъ редакціи и склада: Москва, Б. Кисельный, 11. Ред. С. Алекс.

ОТКРЫТА на 1915 годъ (3-й г. изд.) ПОДПИСКА НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

„КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ“

Подписная цѣна на годъ—пять рублей, на 1/2 года—три рубля.

Адресъ редакціи и конторы: МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

Журналъ „Кооперативная Жизнь“ выходитъ 2 раза въ мѣс., нижними, въ 64—

Въ журналъ „Кооперативная Жизнь“ ведутся слѣдующіе постоянные отд.

1. Передовыя статьи, имѣющія своей задачей отвѣчать на злободневн. просы кооперативной жизни. 2. Жизнь кооперативовъ на мѣстахъ. 3. ративные центры. 4. Взаимоотношенія земства и кооперативовъ. 5. ооперативная жизнь за границей. 6. Инструкторскій отдѣлъ. 7. Дѣ. ность московскаго народнаго банка. 8. Консультационный отдѣлъ (на юридическіе вопросы и запросы практическаго характера), 9. О новыхъ гахъ. 10. Изъ практики для практиковъ. 11. Хроника комитета о сельск. ссудо-сберег. и пром. т-вахъ. Большое мѣсто уделяется корреспонден.

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТЪ: М. П. Авсаркисовъ, В. И. Анисимовъ, Евдокимовъ, В. А. Кильчевскій, А. Е. Кульжнскій, Г. А. Мартыновъ, Отановскій, А. В. Чаяновъ и ин. Д. И. Шаховской.

Проспектъ обь изд. „Кооперативной Жизни“ высылается по требованію б.

Пробный номеръ высылается за 2 десятикопеечныя марки.

Съ требованіями обращаться по адресу конторы журнала „Кооперативная

Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ

вѣществѣхъ при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства

МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. (4-й г. изд.)

на еженедѣльный иллюстрированный художественно-литературный журналъ

„ЖИЗНЬ“

выходящій въ г. Казани.

Журналъ освѣщаетъ всѣ текущія событія въ Россіи и заграничій.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣшены произведенія: Ан. Амнуэль, Астраханцева, Н. Брешко-Брешковскаго, д-ра В. Бѣляева, д-ра В. Бузунова, Волгара, В. Васильковой, В. Вячеславскаго, А. Галкина, С. Гортинскаго, Л. Гумилевскаго, О. Дымова, Н. Ильина, Я. Ивина, Б. Илешева, Н. Куприна, К. И. Калинина, прис. пов. Ледническаго, Н. Лѣскова, И. Лаврентьева, П. Михайловичъ, И. Морозова, Милорадъ Петровичъ (серб. писат.), Э. Ожешко (польск. пис.), кн. Н. Отяева, Пшебышевскаго (пол. пис.), Н. Скворцова, С. Семенова-Волжскаго, кн. С. Трубецкаго, Тюбякъ-Чирковскаго, Н. Твардовскаго, П. Тодорова (болгар. пис.), Е. Чирикова, Ю. Юшкова, А. Шевалье (бельг. пис.), Я. Эрнстонъ (англ. пис.).

Въ художественномъ отдѣлѣ произведенія: Б. Анисфельдъ, А. Бенуа, И. Билибина, акад. Е. Волкова, В. Васнецова, А. Гаушъ, В. Звѣрева, проф. Д. Кардовскаго, К. Костанди, Г. Лукомскаго, Е. Лансере, Н. Лансере, Д. Митрохина, С. Милорадовичъ, А. Мантель, К. Петрова-Водкина, Н. Рерихъ, А. Семеновъ, И. Самокишъ, А. Таланцева, В. Чемберсъ, С. Яремичъ.

Собственные корреспонденты на войнѣ. Соб. цинкографія исполняютъ фотогр. снимки эпизодовъ войны, присылаемые сотрудниками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—2 р. 50 к., на 6 мѣс.—1 р. 35 к., на 3 мѣс.—70 к., на 1 мѣс.—25 к.

Адресъ редакціи и конторы: Казань, Проломная, 27.

1-й экз.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Петроградъ.

№ 5

28 января 1915 г.

Левъ Николаевичъ Толстой.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1-го января 1915 года совершилось событие великой важности.

Съ этого времени, согласно волѣ покойнаго писателя Льва Николаевича Толстого, сочиненія его становятся общимъ достояніемъ.

Въ тяжелую годину всемірнаго пожара нашъ національный гений принесъ своему народу величайшій даръ— свою душу, свое творчество.

Современныя событія сдвинули какъ бы самыя основы европейскаго мира. Въ крови

Въ
гъ
ан
ри.
ьмъ
иче
дро
ега
ищъ
IXO-
са
лачн
ромъ
л.
ьны
ля
евъ
А
“
ю ст
лы:
де во
Соопе
5. Ко
теле
твѣт
ь ни
снн
іціям
А.
Н.
пла
Жизн
ыхъ

и мукахъ зарождаются новые идеалы, перестраиваются взаимоотношенія государствъ, племенъ и народовъ, социальныхъ классовъ. Но въ первую очередь исторія поставила предъ нами со всей остротой вопросъ національный.

Какъ его разрѣшить? Какъ примирить праведное стремленіе всякой національности къ самобытности со вселенскими идеалами человѣчества? Какъ, сохраняя свое национальное лицо, защищая его отъ враждебныхъ посягательствъ, не уйти въ обособленность, не замкнуться въ кругу узкихъ, национальныхъ интересовъ? Какъ, вѣруя въ грядущее братство народовъ, во вселенскія задачи единого человѣчества, сохранить свое национальное достояніе, не растратить его на трудномъ пути къ свѣтлomu будущему?

Левъ Толстой, его жизнь и творчество—живой отвѣтъ на этотъ тяжелый вопросъ.

Таинственной силой своего дарованія, непоколебимой честностью мысли, онъ сумѣлъ соединить несоединимое, чудесно слить въ прекрасномъ единствѣ самыя кричащія противорѣчія.

Левъ Толстой—писатель воистину национальный и вмѣстѣ съ тѣмъ воистину всемирный, вселенскій.

Нѣтъ на земномъ шарѣ ни одного языка, на который не были бы переведены сочиненія Толстого, нѣтъ ни одного грамотнаго человѣка, который не зналъ бы его по имени.

Слишкомъ много въ творествѣ Толстого вѣчнаго, непреходящаго, близкаго всякой живой человѣческой душѣ, чтобы онъ могъ остаться только въ предѣлахъ своей родины, чтобы свѣтъ его не свѣтилъ всему человѣчеству.

И вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ писателя болѣе народнаго, русскаго, нежели Толстой.

Онъ, по слову Тургенева,—«великій писатель земли русской».

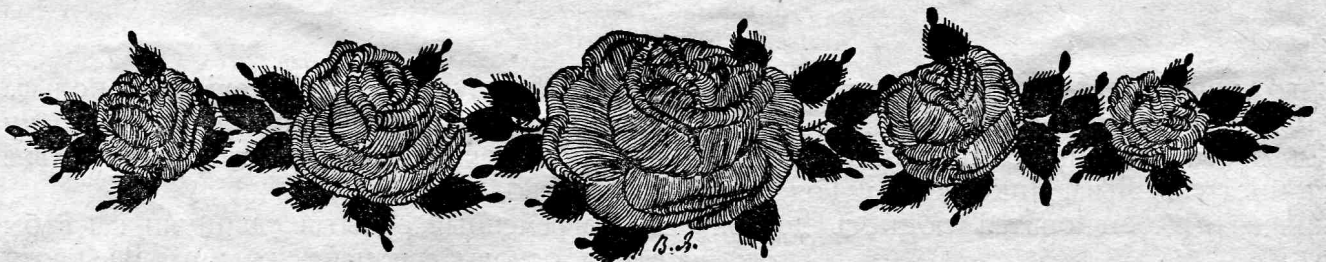
Толстой разочаровался въ европейской культурѣ. Послѣ Жанъ-Жака Руссо, великаго родоначальника «толстовства», человечество вновь услышало суровое и, можетъ быть, не всегда справедливое, осужденіе своего тяготѣнія къ культурѣ матеріальной въ ущербъ культурѣ духовной, своей искусственной, далекой отъ природы, жизни.

Но опять-таки, благодаря своей всемирности, именно Толстой содѣйствовалъ приспущенію Россіи къ европейской культурѣ. Страна, создавшая Толстого, не можетъ не занять почетнаго мѣста въ семьѣ культурныхъ народовъ. Если Петръ Великій «прорубилъ окно» въ Европу, то Левъ Толстой это окно расширилъ, заставилъ европейскій міръ пристальнѣе всмотрѣться въ душу Россіи...

Вѣчный Толстой вѣчно современенъ. И теперь, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда либо. Въ годину человѣческой вражды и розни онъ свѣтитъ тихимъ свѣтомъ братства и любви. Россія должна быть особенно благодарна своему великому писателю, что именно въ эту тяжелую годину онъ принесъ своему народу свой драгоценный загробный даръ.

Мы считаемъ, что этотъ даръ налагаетъ на насъ обязанность сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы творенія Льва Толстого были доступны самому широкому кругу читателей, а потому мы рѣшили приложить ихъ къ журналу «Голосъ Жизни» за самую незначительную плату.

Всѣ изданныя въ Россіи сочиненія Льва Толстого войдутъ въ наше собраніе, причемъ Издательство приметъ всѣ мѣры, чтобы, несмотря на общедоступную цѣну, внѣшность изданія была изящной и художественной.

Раздача рождественских подарковъ.

Д. ЛЕВИНЪ.

ДЕВЪ ТОЛСТОЙ И КАРДЕЙДЪ.

Образъ Толстого какъ-то особенно ярко выдѣлился на фонѣ современности. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно, мнѣ кажется, отдѣлаться отъ мысли, что, будь теперь Толстой въ живыхъ, онъ былъ бы — со своимъ, вообще говоря, антиисторическимъ міровоззрѣніемъ — въ высшей степени „несвоевремененъ“. Но именно поэтому, мнѣ кажется, Толстой теперь вспоминается чаще и отчетливѣе, чѣмъ въ первые, ближайшіе годы послѣ его смерти. Конечно причина здѣсь отчасти лежитъ въ такъ называемой „ассоціаціи по контрасту“, но главное въ томъ, что „несвоевременные“ люди, какъ и „несвоевременныя“ размышленія имѣютъ особую притягательную силу. И — кто знаетъ? — можетъ быть, они-то болѣе въ потребу каждаго времени, болѣе ему нужны, чѣмъ то, что составляетъ его прямую, непосредственную „злобу“. По отношенію къ „злобѣ“ дня, какихъ бы она отъ насъ не требовала усилий, мы являемся все-таки страдательными лицами, она приходитъ, жалаемъ ли мы того, или нѣтъ, и дѣлается хозяиномъ, властелиномъ текущаго мгновенія — и всѣхъ насъ, живущихъ въ этомъ мгновеніи. Гдѣ же наша

человѣческая свобода и „активность“, гдѣ свобода нашего выбора, нашего „самоопредѣленія“? Эта свобода и находитъ себѣ убѣжище во влеченіи къ „несвоевременному“.

Толстой всегда жилъ въ разладѣ, можно сказать, въ раздорѣ съ „временемъ“; но, продолжай онъ жить до сихъ поръ, онъ бы почувствовалъ этотъ раздоръ съ особенной остротой, — рука времени придавила бы его сильнѣе, чѣмъ давить могильный холмъ, насыпанный въ Ясной Полянѣ. Ибо настоящій моментъ наиболѣе „историческій“, какой только можно вообразить, — такъ сказать, насквозь „историческій“. Историческая точка зрѣнія была органически чужда Толстому и почти непереносима для него. Въ послѣдній періодъ жизни Толстого — періодъ, обнимавшій однако около трехъ десятковъ лѣтъ, — мысль о вѣчности выдвинулась у него съ упорствомъ неподвижной идеи; но въ сущности эта идея всегда была въ центрѣ толстовскаго міросозерцанія, и на всѣ явленія, не исключая и тѣхъ, которыя называются „историческими“, онъ всегда глядѣлъ подь угломъ вѣчности — вѣчной природы или вѣчнаго добра. Въ одномъ письмѣ Толстого къ

Захваченный германский автомобиль.

женъ, которое относится къ цвѣтущей порѣ „Войны и мира“, есть слѣдующія строки: „Я помню, какъ ты мнѣ сказала, что все военное и историческое, о которомъ я такъ стараюсь, выйдетъ плохо, а хорошо будетъ другое, семейное, характеры, психологическое. Это такъ правда, какъ нельзя больше“. Конечно это слишкомъ безусловно сказано, что все „военное и историческое“—плохо въ „Войнѣ и мирѣ“. Совсѣмъ не плохо, но воспринято и представлено по-своему, не такъ, какъ у другихъ историческихъ бытописателей, безъ всякихъ „эпическихъ“ условностей и красотъ, съ внутренней нетерпимостью ко всему, что въ „военномъ и историческомъ“, какъ временномъ и условномъ, застилаетъ и покрываетъ элементы вѣчной природы—„характеры, психологическое“.

Не знаю, была ли извѣстна Толстому въ то время „философія одежды“, которую Карлейль влагаетъ въ уста герра Тейфельсдрека („Sartor Resartus“), но эта философія была, можно сказать, прирожденной философіей Толстого. Подобно герру Тейфельсдреку, онъ во всемъ вообще „историческомъ“ видѣлъ главнымъ образомъ произведеніе искусства, и именно — искусства портного. „Историческое“ было для него чѣмъ-то вроде одежды или театрального костюма, который придаетъ условное, внѣшнее значеніе заключенному въ немъ чловѣку — и въ то же время либо извращаетъ, либо подавляетъ въ чловѣкѣ внутреннее, природное, обращая его въ той или иной мѣрѣ въ „вѣшалку для платья“. По ученію герра Тейфельсдрека, то, что мы называемъ „исторіей“, есть въ цѣломъ, какъ и во всѣхъ частяхъ своихъ, матеріализація „духа одежды“, воплощеніе этого духа въ разныхъ видахъ, формахъ и фасонахъ. „Есть ли на свѣтѣ чловѣкъ, — спрашиваетъ онъ, — который можетъ себѣ представить голаго герцога Виндльстрау, говорящаго рѣчь предъ голой палатой лордовъ? Воображеніе, какъ бы задыхаясь въ смертномъ воздухѣ, съеживается и не рѣшается слѣ-

довать за этой картиной. Но однако почему же это невозможно? Развѣ есть между благодѣтелями нашей свободы хоть одна душа или, скорѣе, хоть одно тѣло, которое не было бы голо или близко къ тому прошлою ночью“.

Приложите этотъ не совсѣмъ скучный способъ представленія торжественнаго засѣданія палаты лордовъ ко всему историческому, — и это будетъ какъ разъ точка зрѣнія „Войны и мира“, вообще всегдашняя точка зрѣнія Толстого. „Историческое“ онъ отождествлялъ съ „внѣшнимъ“, съ „пустымъ и казеннымъ“; онъ относился къ этому съ презрительной ироніей, не удастая тратить свое негодование на „портняжескую идеализацію“, говоря словами герра Тейфельсдрека. Волѣе спорное отношеніе было у него къ „военному“, ибо въ „военномъ“, кромѣ параднаго, внѣшняго и, такъ сказать, историографическаго, есть особые моменты, когда природа вступаетъ въ свои права и разрываетъ всѣ внѣшнія оболочки, снимаетъ съ чловѣка всякую одежду, и показываетъ его такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ природы безъ украшающаго или обезображивающаго вмѣшательства искусства портного. Эти-то моменты и тянули къ себѣ Толстого, особенно въ тотъ его періодъ, когда идея вѣчности сливалась для него съ вѣчной природой.

Толстому по душѣ и натурѣ были сродни только два состоянія: одно, которое онъ называетъ „скинскимъ“, — въ общеніи съ вѣчной природой, и другое — „съ Богомъ“, „какъ чловѣкъ предъ смертью, въ виду Бога“, — въ общеніи съ вѣчнымъ добромъ (эти опредѣленія я беру изъ переписки Толстого съ женой). Только эти два состоянія находилъ идеальными, т. е. общающимися полное удовлетвореніе и высшее счастье для чловѣка.

Во всякомъ другомъ положеніи Толстой чувствовалъ себя неладно, стѣснительно и неловко, какъ дикарь („проклезецъ XVIII вѣка“) въ узкомъ платьѣ цивилизованнаго городского

Русскій обозъ въ Польшѣ.

жителя. „Нынче цѣлую ночь видѣлъ во снѣ мой обычный сонъ, что я служу юнкеромъ въ военной службѣ, нынче въ уланахъ, и мундиръ на мнѣ грязный, и все не тотъ, какъ надо, и всѣ надо мною смѣются“ (изъ письма къ женѣ въ 1894 году). До старости осталось тяжелое, мучительное ощущеніе стѣсненности, неприспособленности ко всякимъ состояніямъ, которыхъ значеніе и смыслъ обращены наружу—на вѣншее и показное, ко всякимъ состояніямъ, кромѣ „скинскаго“ и „съ Богомъ“.

Нельзя отрицать, что люди, и особенно люди въ „обществѣ“, были тяжелы для Толстого; въ его перепискѣ можно найти въ этомъ смыслѣ немало характерныхъ замѣчаній и признаній.

Приведу только одно. Толстой прѣзжаетъ къ людямъ, съ которыми до самой смерти былъ очень близокъ; и онъ пишетъ женѣ: „Мнѣ остается только сказать про себя, что я очень радъ, что прѣхалъ; они такъ искренне рады и такъ мы съ ними душевно близки, и столько у насъ общихъ интересовъ, и такъ рѣдко мы видимся, что обнимъ намъ хорошо“.

Это—коренная черта въ характерѣ Толстого, и мимоходомъ замѣчу—она наложила, быть можетъ, самый глубокій отпечатокъ на весь его литературный „стиль“. Можно различать вообще два „стиля“: когда человѣкъ пишетъ для себя и когда человѣкъ пишетъ для другихъ. Дѣло тутъ, разумѣется, не во вѣншей обстановкѣ и не во вѣншемъ назначеніи писанія, а во внутреннихъ, психологическихъ стремленіяхъ, изъ которыхъ рождается „стиль“. Господствующій современный „стиль“—„стиль“

писанія для другихъ; его можно назвать ораторскимъ, общественнымъ, публичнымъ и пожалуй городскимъ, выросшимъ изъ условий и потребностей городской цивилизаціи. Что бы вы не читали изъ современнаго, хотя бы архи-поэтическія и уединенныя медитаціи,—вы слышите рѣчь автора, обращенную къ другимъ; онъ съ кѣмъ-то споритъ, кому-то возражаетъ, кого-то старается убѣдить, что-то опровергнуть или доказать, чѣмъ-то плѣнить—словомъ, онъ всегда имѣетъ въ виду другихъ и не можетъ о нихъ забыть; весь его „стиль“ направляется мыслью о другихъ. Характерно для Толстого именно то, что этотъ „стиль“ былъ ему совершенно чуждъ.

Когда подъ конецъ жизни онъ пошелъ къ людямъ съ проповѣдью, то дѣлалъ онъ это съ большою, бьющей въ глаза, неуклюжестью—для этого у него не было „стиля“. Если онъ оказывалъ дѣйствіе своей проповѣдью, то только обнаженной правдивостью и „наивностью“, свойствами противоположнаго—уединеннаго—„стиля“ („наивный“ стиль у Монтеня, который, кстати сказать, былъ любимымъ писателемъ Толстого). Господствующій же публичный, общественный, ораторскій „стиль“ онъ относилъ къ той же категоріи „вѣншняго“, „пустого и казеннаго“, куда входило и все „историческое“.

Фантазію герра Тейфельсдрекка о голомъ герцогѣ Виндльстрау, говорящемъ рѣчь предъ голою палатой лордовъ, Толстой дополнилъ бы тѣмъ, что освободилъ бы отъ портняжескихъ украшеній и приспособленій не только тѣло, но и рѣчь достопочтеннаго лорда.

Д. Левинъ.

Перевозка тяжелоораненаго.

ДИМИТРИЙ КРЮЧКОВЪ. БЕЗЪ РОДИНЫ.

Лѣто было какъ лѣто, все шло своимъ чередомъ: будни—въ банкѣ, праздники—на дачѣ, ежедневная спѣшка на поѣздъ, словомъ, все честь-честью. Никто не предвидѣлъ ничего удивительнаго или трагическаго; иногда, такъ какъ многіе уѣзжали въ отпускъ въ іюлѣ, скоплялась работа и приходилось засиживаться часовъ до восьми или девяти вечера. Въ иные дни, не слишкомъ часто, Владиміръ Карловичъ заходилъ ненадолго въ сосѣдній ресторанчикъ, чтобы тамъ на досугѣ послѣ службы посидѣть часокъ съ пріятелемъ.

Пріятель его—человѣкъ незначительнаго и невиднаго, съ жесткой, клинушкою, бородкой, по фамилии Банинъ,—медленно тянулъ пиво и тягуче и скучно ругался. Ругалъ онъ все на свѣтѣ: дурацкую службу, начальство, себя, газеты, жару и пыль. Въ послѣднее время однако ругань его стала однообразна—онъ перечитывалъ вечернюю газету, сердито косилъ безцвѣтные глаза на пиво и хрипло бурчалъ:

— Ты извини, анѣмцы все же—дураки и свиньи. Ну, на кой лядъ они исторіи затѣвають—только газетчикамъ дохода больше да публикѣ смущеніе.

— Ты, Ваня, не сердись, это пустяки все пишутъ,—отвѣчалъ ему Владиміръ Карловичъ примирительно

и робко,—да и притомъ, какой же я нѣмецъ, только по документамъ развѣ, а въ душѣ я—космополитъ и другъ прогресса.

Но Банинъ продолжалъ бормотать, не слушая друга. Владиміръ Карловичъ сонно и устало покачивалъ головой, думалъ о предстоящей дорогѣ въ маленькомъ душномъ вагонѣ, о скучныхъ, сердитыхъ дядѣ и теткѣ, у которыхъ онъ жилъ еще съ дѣтства, оставшись круглымъ сиротой, и ему казалось, что жизнь его похожа на будильникъ, трещающій около его постели каждое утро аккуратно въ половинѣ восьмого.

Ему вспоминались длинные зимніе и лѣтніе вечера, проведенные надъ безконечными столбцами цифръ, грязными документами, на которыхъ подписи похожи были на отпечатокъ тараканьихъ лапокъ; служилъ онъ всего лишь восемь лѣтъ—карьеру дѣлать мучительно, скучно, но необходимо. И ему представлялся ясно и отчетливо дядя—большой, грузный старикъ, типичный русскій нѣмецъ, довѣренный большой банкирской конторы; отъ этихъ мыслей становилось легче и веселѣе. Когда нибудь и онъ, Владиміръ Карловичъ, будетъ начальствомъ, обеспеченнымъ строгимъ, грузнымъ и женатымъ. Онъ съ сожалѣ-

Автомобильная рота.

нием и досадой взглядывалъ на Банина и отъ души презиралъ этого страннаго и смѣшнаго человѣка. Дружбой его онъ дорожилъ—Банинъ приходился родственникомъ одному изъ членовъ правленія и могъ при случаѣ пригодиться.

Наконецъ пріатели разстались, какъ обычно, мило и дружелюбно взглянувъ другъ на друга, и Владиміръ Карловичъ уѣхалъ на лачу.

На другой день—опять служба, послѣ мучительнаго сидѣнія въ душномъ вагонѣ.

Кругомъ были знакомыя лица, шелъ знакомый разговоръ о службѣ, ошибкахъ, прибавкахъ, начальствѣ и футболѣ. И въ банкѣ все было обычно—въ четвертомъ часу мальчикъ Ваня, рыжій, въ синенькой курточкѣ съ блестящими пуговицами, подбѣжалъ къ столу довѣреннаго и положилъ предъ нимъ на столъ вечернюю газету.

Довѣренный, сытый, холеный бронецъ южнаго типа, взялъ ее въ руки и лѣниво взглянулъ на крупный заголовокъ. Вдругъ лицо его измѣнилось, онъ широко открылъ близорукіе глаза, поднесъ къ нимъ газету близко-близко, пожалъ плечами, неожиданно вскочилъ и быстро подошелъ къ Банину, сидѣвшему на ближайшемъ столѣ.

— Иванъ Николаевичъ, уже война,—сказалъ онъ громко и взволнованно.

Банинъ поднялъ голову отъ бумаги, равнодушно взглянулъ на говорившаго и началъ опять писать. Ему было очевидно, что и во время войны онъ бу-

детъ писать и считать днемъ, вечеромъ—пить пиво, а ночью томиться нехорошимъ, тяжелымъ забытьемъ.

Такъ было въ провинціи, гдѣ онъ служилъ въ земствѣ статистикомъ, такъ будетъ и въ банкѣ—ничто не можетъ измѣниться съ далекаго, страшнаго дня, того самаго дня, когда онъ узналъ объ уходѣ жены и навсегда испугался и какъ-то запутался въ жизни.

Обиженный довѣренный отошелъ отъ Банина и, все еще держа въ рукахъ газету, прошелъ въ кабинетъ директора. А рыжій Ванька тѣмъ временемъ обѣжалъ всю залу, бросая на столы небольшие листки съ крупнымъ, короткимъ заголовкомъ.

Служащіе повскакали съ мѣстъ, многіе изъ нихъ горячо и громко говорили, оживленно жестикулировали и ожесточенно спорили.

Владиміръ Карловичъ молча и сосредоточенно читалъ газету; необыкновенный, крупный шрифтъ былъ ему неприятенъ и рѣзалъ глаза. Онъ читалъ о наступленіи, переходѣ границы и вдругъ точно вспомнилъ, что это—газета, пустяки, не служба. Аккуратно сложилъ листокъ, положилъ его въ карманъ и сталъ писать дальше.

На поѣздъ пришлось опоздать—трамвай долго стоялъ на углу бойкой и узкой улицы; во всю ширину ея двигалась густая толпа. Всѣ безъ шапокъ, пѣли что-то старательно и нестройно, а далеко впереди колыхались большіе трехцвѣтные флаги.

Дядя былъ дома, кончилъ обѣдать и что-то громко и сердито говорилъ теткѣ. Когда Владиміръ Карловичъ вошелъ въ столовую, то дядя объяснялъ теткѣ по-нѣмецки, злясь на ея непонятливость:

— Ты должна понять, что Вольдемаръ—русскій; только документы у него не въ порядкѣ—не то, что у насъ. Да это—не бѣда, у него мать православная была и самъ онъ православный, Германіи никогда въ глаза не видалъ, что-жъ изъ того, что онъ—германскій подданный?

Владиміръ Карловичъ вспомнилъ, что лѣтъ пять тому назадъ ему прислали бумагу изъ консульства. Онъ ее внимательно прочелъ, пожалъ плечами и отдалъ дядѣ; старикъ засмѣялся и лукаво, съ хитринкой, сказалъ:

— Что, Вольдемаръ, не хочешь быть прусскимъ солдатомъ?

Такъ тогда дѣло и кончилось: ничѣмъ никто не напоминалъ больше Владиміру Карловичу о Германіи.

Однообразная воркотня дяди быстро утомила всѣхъ, позѣвали, напились чая и пошли спать.

Со слѣдующаго дня многое измѣнилось. Въ банкѣ стало тихо, биржа закрылась, повсюду навѣшали плакаты: «По-нѣмецки просить не разговаривать», и много словъ опустѣло. Нѣкоторые ходили и прощались—въ военной формѣ они не были похожи на прежнихъ, скучныхъ и неуклюжихъ людей—точно стали стройнѣй и выше, небрежно подавали руку, говорили о дивизіяхъ, автомобильныхъ ротахъ, громко смѣялись. Довѣренные и старые служащіе робко смѣнили около, стараясь краемъ уха уловить ихъ быстрю и нервную рѣчь.

Прошла еще недѣля, и вдругъ Владиміра Карловича и съ нимъ еще человекъ пятнадцать позвали въ кабинетъ директора-распорядителя.

Служащіе робко, переминаясь съ ноги на ногу, вошли въ темную, угрюмую комнату. За громаднымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ высокій, сухой старикъ съ маленькими бачками и лысой головой, гроза банка, русскій нѣмецъ—Эдуардъ Тиле.

Не поднимаясь онъ, съ трудомъ подбирая слова, на ломанномъ русскомъ языкѣ объявилъ вошедшимъ, что банкъ долженъ расчитать ихъ немедленно, какъ подданныхъ враждебной страны.

— Конечно примите чрезвычайное мое сожалѣніе по случаю неожиданнаго обстоятельства, — сказалъ онъ и кивнулъ блестящей головой.

Аудіенція кончилась; Владиміръ Карловичъ вмѣстѣ съ другими вышелъ изъ кабинета; ему казалось, что все это—шутка, ложь, и жизнь еще пойдетъ по-старому. Онъ поспѣшно, въ какомъ-то раздумьѣ, прошелъ по большому, съ торжественными бѣлыми колоннами, залу, въ свой отдѣлъ.

Банинъ попрежнему усердно и сердито скрипѣлъ перомъ, наклонивъ голову набокъ и точно что-то жуя губами. Когда Владиміръ Карловичъ подошелъ къ его столу, Банинъ поднялъ голову, сердито сплюнулъ и пробурчалъ:

— Ну, что, доигрался? Эхъ ты, моллюска несчастная, крокъ подземный!

Всѣ формальности были быстро закончены, и во

второмъ часу дня Владиміръ Карловичъ уже ѣхалъ обратно на Лахту.

Дома была тетка; увидѣвъ его, она всплакнула и проговорила тоненькимъ, жалобнымъ голоскомъ:

— Ахъ, Вольдемаръ, Вольдемаръ! Зачѣмъ ты остался и есть нѣмецъ? Теперь это быстро ходитъ между ушей и твой дядя растеряетъ довѣренность на службѣ.

Она говорила по-русски скверно, смѣшно, словно нарочно, играя глупый старый водевиль, и отъ этого Владиміру Карловичу стало тоскливо и жутко.

Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату и, глядя упорно въ потолокъ, пролежалъ на кровати до обѣда.

Дядя пріѣхалъ усталый, сердитый, кинулъ на столъ листокъ телеграммъ и закричалъ черезъ всѣ комнаты теткѣ:

— Клара, сейчасъ приходи до меня! Мы уже имѣемъ одну побѣду нашихъ войскъ, эти нѣмцы скоро сядутъ на свой задъ въ грязную лужу. А ты, Вольдемаръ, ты не трусливъ будь, завтра я ѣду въ бюро градоначальникъ, хлопочу о тебѣ—какъ ты есть православный, то остаешься здѣсь.

Владиміръ Карловичъ растерянно улыбался, громко глоталъ супъ и думалъ, думалъ, не зная самъ о чемъ.

Вечеромъ онъ подписалъ прошеніе; ночью одолѣла бессонница—онъ сѣлъ въ постели и увидѣлъ въ саду, на средней аллеѣ, широкую серебряную полосу луннаго свѣта. И вдругъ она стала широкимъ саннымъ путемъ, по которому надо мчаться далеко, далеко, на сѣверъ, къ неизбежной, гнусной гибели. Онъ встряхнулъ головой—опять окно, лунный свѣтъ, тишина, и только въ дядиной спальнѣ упорно и жестко тикаютъ неутомимые, упрямые часы.

Прошло опять нѣсколько смутныхъ, незамѣтныхъ дней; наконецъ, какъ-то за обѣдомъ, дядя сказалъ:

— Ну, Вольдемаръ, я всегда раньше сказалъ, что твой отецъ, этотъ Карлъ, дуракъ есть. Не хотѣлъ ничего дѣлать, самъ умиралъ и мнѣ оставлялъ хлопотъ. И теперь ты есть нѣмецъ и долженъ уѣзжать; ты не бываешь только трусъ,—я тебѣ помогаю черезъ все время, а потомъ, послѣ войны, ты снова ходишь въ банкъ.

На слѣдующій день Владиміръ Карловичъ отправился въ путь; онъ никогда не уѣзжалъ далеко изъ столицы, ему страшень было даже поѣздъ, грязный и длинный, похожій на сказочную, задремавшую змѣю.

Наскоро попрощался онъ съ дядей и теткой; та заплакала, забормотала что-то по нѣмецки, дядя дернулъ ее за рукавъ и сказалъ хриплымъ басомъ:

— Ну-ну, уже довольно!

Владиміръ Карловичъ долго глядѣлъ въ окно на однообразный, сѣрый пейзажъ, грязныя, замызганныя станціи, шумныя артели, съ гамомъ вваливающихся въ вагонъ и приносящихъ съ собою крѣпкій запахъ пота, овчины и махорки—все перемѣшалось, раздражало, давило голову.

На самомъ разсвѣтѣ кондукторъ разбудилъ его—подѣзжали къ маленькому городку, гдѣ ему ужь было жить.

Пожимаясь отъ утренняго холода, Владиміръ Карловичъ вышелъ на платформу. До города было версты четыре. Онъ нанялъ таратайку и съ грохотомъ покотилъ по грязному шоссе.

Постройка дороги для автомобилей.

И все послѣдующее слилось въ полный, бессмысленный сонъ — скверный номеръ въ «отелѣ», площадь съ лужами, облѣзшій гостиный дворъ, свиньи на улицахъ, разноголосый, густой перезвонъ, деревянные и дырявые мостки, комнатка, нанятая у зажиточной мѣщанки-вдовы, сама хозяйка и ея дѣти.

Въ долгіе, праздные дни Владиміру Карловичу припоминалось прошлое — оно казалось ему радостнымъ, страшно-далекимъ и невозвратимымъ.

Когда-то, еще юношей, онъ купался съ дядей въ морѣ. Начинало вечерѣть. Онъ плылъ все дальше, ему казалось, что конецъ пути — у багроваго, закатнаго солнца; дядя издали кричалъ:

— Zurück, Woldemar, du—Bengel, zurück!

И ему захотѣлось вдругъ встать на ноги, но ноги не ощутили подъ собой бархатистаго песчанаго дна — тутъ было глубоко. И ему стало страшно — кругомъ была вода, непонятная, холодная, темная, а ласковое дно какъ будто уходило все дальше и дальше. Съ отчаяніемъ и страхомъ онъ поплылъ обратно къ берегу, силы оставляли его, онъ задыхался, сердце билось все сильнѣй и сильнѣй.

Дома, потомъ, за вечернимъ чаемъ, на слѣдующій день онъ помнилъ этотъ тяжелый, давящій страхъ.

И теперь Владимір Карловичъ припомнилъ его отчетливо и ясно — холодной, темной водой, грозной, бездонной казалось ему будущее.

Онъ тяжело вздохнулъ, прошелся по комнатѣ,

заглянулъ въ хозяйскіе покои — тишина, всѣ ушли ко всенощной, чистые половички, разноцвѣтныя лампадки и тиканье часовъ, такихъ же упрямыхъ и неумолимыхъ, какъ и у дяди въ спальнѣ.

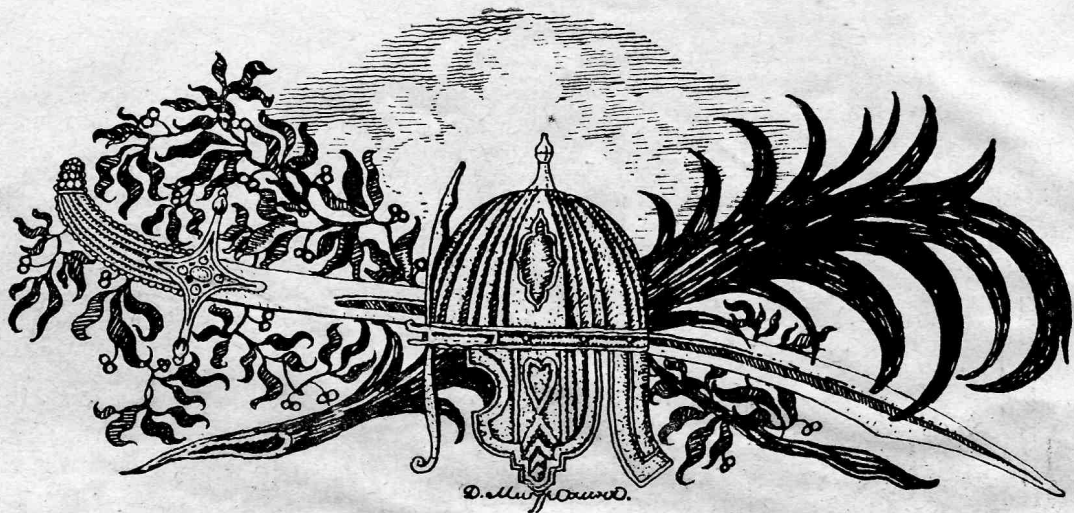
Владиміра Карловича томила странная, нехорошая тоска, боязнь одиночества, торжественная, значительная тишина; онъ вернулся къ себѣ въ комнату, вспомнилъ, что завтра праздникъ, и захотѣлъ побриться. Въ зеркалѣ на него взглянуло вялое, утомленное лицо, низкій лобъ со взлызами и жидкіе, почти совсѣмъ бѣлые, усики.

Автоматически, жестоко и спокойно, съ тупой сердечной болью и дѣтскимъ, беспомощнымъ ужасомъ онъ схватилъ бритву и рѣзнулъ ею себя по горлу. Его подхватила и понесла горячая, соленая волна — передъ широко раскрытыми глазами промелькнули крылья бѣлой бабочки, грустное, больное женское лицо, и гдѣ-то вдали прокричалъ дядя: «Zurück, Woldemar, du—Bengel, zurück!». Владимір Карловичъ тщетно искалъ дна, полъ шатался и уходилъ изъ-подъ слабѣющихъ ногъ, наконецъ онъ тяжело рухнулъ внизъ.

Все спуталось, кануло въ гнилую, черную яму.

Надъ маленькимъ домикомъ, надъ забытымъ городкомъ затѣйливо сплетался и все выше, выше, къ осеннимъ яркимъ звѣздамъ, плылъ разноголосый звонъ на «Хвалите».

Димитрій Крючковъ.

Безповоротно.

1.

Съ мирнымъ счастьемъ покончены счѣты,
Не дразни, запоздалый уютъ.
Всюду эти щемящія ноты
Стерегутъ и въ пустыню зовутъ.

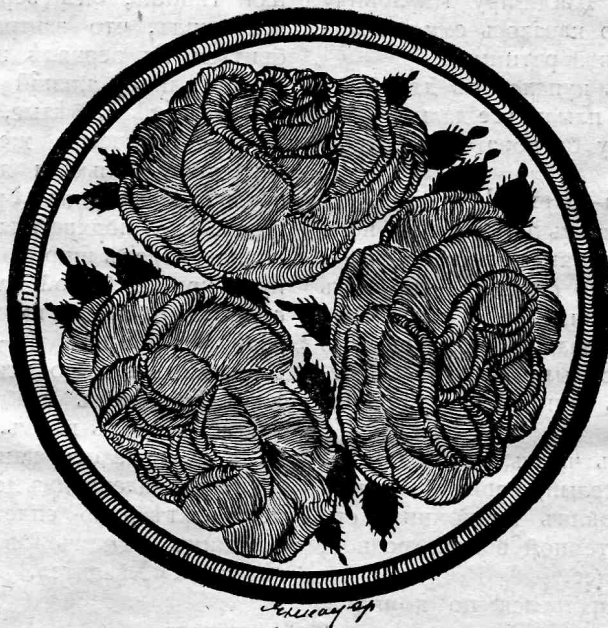
Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я въ это повѣрилъ съ тѣхъ поръ,
Какъ пропѣлъ мнѣ сиреной влюбленной
Тотъ, сквозь ночь пролетѣвшій, моторъ.

2.

Сѣдня сумерки легли
Весной на городъ блѣдный.
Автомобиль пропѣлъ вдали
Въ рожокъ побѣдный.

Глядись сквозь блѣдное окно,
Къ стеклу прижавшись плотно,
Глядись... Ты измѣнилъ давно,
Безповоротно.

Александръ Блокъ

Г. К. Лукомскій. Р.-к. соборъ во Львовѣ. Каплица кашьяновъ,

ИВ. ДАНКОВЪ.

О Н Ъ,

I.

Неша сидѣла въ передней, на желтомъ деревянномъ стулѣ съ высокой спинкой.

Сегодня ея дежурство. За спиной слышался капризный голосъ заказчицы. Ульяна Петровна, какъ всегда, была лобезна, ласково успокаивала строитивую.

Напротивъ, въ зеркало, Неша видѣла уголь гостиной. Чинная, старенькая мебель, обитая бархатомъ. На столѣ вязанья салфетки. Ульяна Петровна знала, что ея гостиная старомодна, но ничего не мѣняла. Если бы дочь была жива, тогда стоило бы. И мастерскую-то Ульяна Сергѣевна не закрываетъ только потому, что одинока. Страшно безъ дѣла остаться, а то давно бы сняла съ двери овальную вывѣску: «Madame Orloff. Modes et Robes».

Съ лѣстницы позвонили.

Неша оправила бѣлую косынку на плечахъ, посмотрѣлась въ зеркало и открыла дверь.

Вошла дама въ черномъ. Среди мастерицъ у нея было прозвище «Ласковая».

— Ну, что, какъ дѣла? Ульяна Петровна свободна?

— Заказчицу въ примѣрочной принимаютъ. Скоро кончатъ, пожалуйста въ гостиную.

«Ласковая» прошла въ гостиную, усѣлась на жесткомъ, неудобномъ диванѣ, стала смотрѣть растрепанные модныя картинки, еще лѣтнія.

— Неша! Позови Глафиру! — крикнула Ульяна Петровна.

Неша побѣжала черезъ гостиную въ мастерскую.

— Глафира Семеновна, васъ Ульяна Петровна зовутъ!

Юбочница Глафира огрызнулась:

— Ужъ два раза звали. И все эта старая стерва, прости Господи, недовольна! Совсѣмъ Ульяну Петровну замучила.

Злая, втыкая иголку въ корсажъ, она прошла въ примѣрочную.

Наконецъ капризная заказчица съ одуловатымъ лицомъ и чрезмѣрно широкимъ задомъ убралась во свояси.

Съ улыбкой доброй старой просвири Ульяна Петровна вышла навстрѣчу «Ласковой».

— Съ чѣмъ пожаловали, родная?

— Съ просьбой, Ульяна Петровна, съ просьбой.

— Для васъ у меня нѣтъ отказа, сами знаете.

— Знаю, знаю. Потому и пришла. Я тутъ въ комитетѣ работаю. На праздникъ солдатамъ подарки посылаемъ. Вотъ о васъ и вспомнила, голубушка Ульяна Петровна! Лоскутковъ у васъ много, напейте

мнѣ кисетовъ. Немного и надо, штукъ сорокъ. Дѣвочки помогутъ. Неша, будешь шить кисеты?

— Съ нашимъ удовольствіемъ, барыня.

— Ну, вотъ и отлично! Что скажете, Ульяна Петровна?

— Что скажу? На лазаретъ тутъ мы бѣлье шьемъ. Ну, да ничего! Завтра воскресенье. Позову мастерицъ къ обѣду—мигомъ сошьемъ. А лоскутковъ вволю. Я ихъ съ лѣта собираю. Въ прошлые годы въ пріюты дарила, ну, а нынче войнамъ нашимъ пойдутъ. Оно и лучше. Въ понедѣльникъ Нешка вамъ кисеты принесетъ.

«Ласковая» распростилась и ушла, шурша юбками.

Вечеромъ Ульяна Петровна вынула изъ шкафа узелокъ съ лоскутками. Разложила на столѣ красивыя тряпочки всякихъ цвѣтовъ.

— Да тутъ не то что сорокъ, всѣ пятьдесятъ кисетовъ выйдутъ.

Когда въ воскресенье Ульяна Петровна вернулась отъ обѣдни, столъ былъ накрытъ. Съли всемеромъ. Кромѣ хозяйки, двѣ мастерицы: Глафира-юбочница, Паша-лифщица и четыре ученицы. Двѣ постарше: Оля и Маша, двѣ молодыя: Грунька и Нешка. Кухарка Малина, съ лицомъ, точно ее пчелы искутали, принесла покрытую салфеткой кулебяку. Всѣмъ стало весело. Даже Глафира повеселѣла. Ужъ очень она въ послѣднее время была мрачная. Все злилась, зачѣмъ Трофимъ въ санитары ушелъ. Былъ въ парикмахерской подмастерьемъ, на Литейной, и деньги водились. На войну не идти, ратникъ второго разряда, а тутъ—нако-ся, взялъ да въ санитары и записался.

Мастерицы каждый день съ Уляной Петровной обѣдали. Но сегодня онѣ были у нея въ гостяхъ, хозяйка суетилась, угощала, точно рѣдкихъ гостей, ругала Малину, что пирогъ недопеченъ. Знала, что говоритъ неправду, но любила посердить Малину, съ которой жили онѣ душа въ душу.

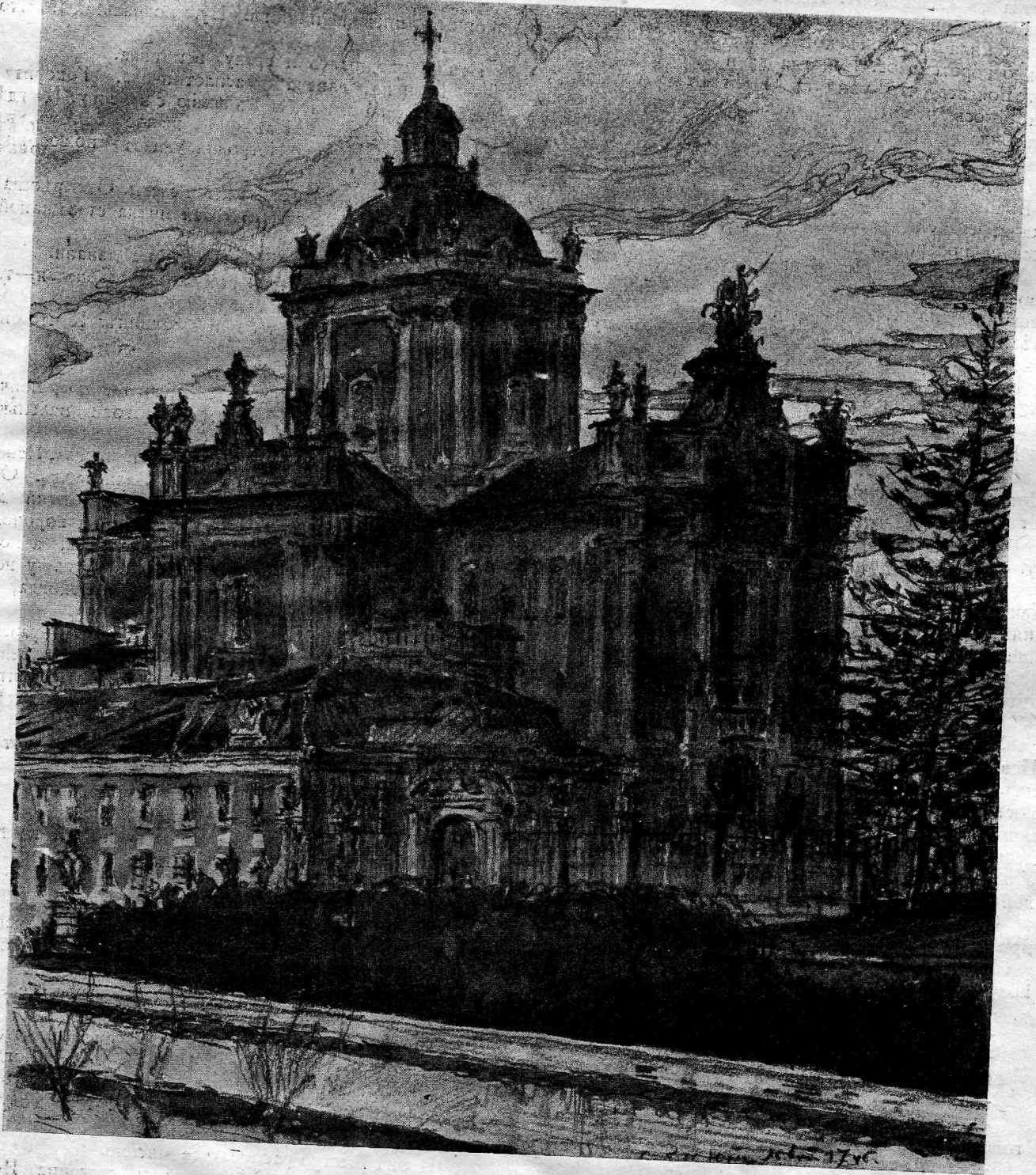
Послѣ обѣда принялись за шитье. Накроили быстро, а потомъ затрещали машинки. Къ ужину всю работу кончили.

Ульяна Петровна порылась въ комодѣ, вынула изъ бисвитной жестянки двѣ красненькихъ.

— Паша! Завтра угречкомъ купи, чего надо. Въдь не пустые же кисеты отправлять. У Черепенникова скажи старшему, Ивану Корнеичу, что, молъ, для солдатъ. Скидку сдѣлаютъ! Скажи, что отъ меня пришла.

II.

Въ понедѣльникъ туго набитые кисеты сложили въ большую деревянную картонку съ клеенчатымъ

Г. К. Лукомский. Уніатскій соборъ св. Юра. Львовъ.

верхомъ. Съ Грунькой Неша стащила ее внизъ и повезла къ «Ласковой». Неша сама сшила шесть кisetовъ. Все свѣтлыя, атласныя. Въ одинъ изъ нихъ она вложила письмо. На конвертѣ стояло: «Для вась». Письмо коротенькое. Некогда да и негдѣ было писать. Боялась, что увидятъ, высмѣютъ. А главное, не хотѣлось, чтобы другія писали, особенно Глафира; не любила ее Нешка, сочувствовала Трофиму, что тотъ отъ Глафиры сбѣжалъ. Опостылила ему старая злыдня, радъ былъ съ нею развязаться.

Въ письмѣ своемъ Неша сообщала, что она—портника и что ей очень хочется знать, кому достанется ее подарокъ.

У «Ласковой» Нешу ввели въ гостиную. Вся комната была завалена тюками, кулечками, пакетами. Неша огорчилась. Дома ей казалось, что подарковъ онѣ наготовили уйму, а теперь—точно съ пустыми руками пришла.

Но «Ласковая» ее утѣшила. Выдала квитанцію, письмо благодарственное Ульянѣ Петровнѣ велѣла передать.

— Скажи, что добрая она, крѣпко ее цѣлую. Было это перваго декабря.

Съ тѣхъ самыхъ поръ Неша начала ждать отвѣта, все думала «о немъ». Получить ли онъ кisetъ? А, главное, отвѣтитъ ли?

О войнѣ она знала мало. Знала только, что дерутся гдѣ-то далеко, «за Вѣру, Царя и Отечество», что солдатамъ трудно. У Паши братъ на войнѣ. Какъ получить Паша письмо, такъ плачетъ. Надняхъ писалъ, что Георгія получилъ. Бѣлья просить, вши заѣли.

«Коли живъ останусь, Паша дорогая, все тебѣ отдамъ, а теперь постарайся для своего Вани».

И Паша старалась.

У Неши нѣтъ родныхъ, изъ воспитательнаго она Невольно подражая Паши, она считала «его» своимъ братомъ. Только бы онъ ей отвѣтилъ, ужъ она постарается. Вынула изъ сундучка синенькое портмонэ, подарокъ Ульяны Петровны, пересчитала деньги, рубль съ копейками. Ничего. На праздники Ульяна Петровна трещку дастъ, а то и къ «Ласковой» сходитъ, попроситъ для брата.

Секретъ свой хранила она долго. Но отвѣтъ не приходилъ, и она не выдержала.

Какъ-то вечеромъ, постилая свой тюфячекъ на полу въ примѣрочной, она спросила Груньку:

— Ты письма въ свой кisetъ не вложила?

— Какое письмо?

— Да «ему».

Грунька сразу не поняла.

— Да вить у меня на войнѣ знакомыхъ нѣту.

— Дура, и больше ничего. Я не про знакомыхъ говорю.

— А ты-то написала?

— Ну конечно!

И, недовольная собой, Неша повернулась спиной къ Грунькѣ. Но тюфячки были рядомъ. Грунька взяла Нешу за руку:

— Нешечка, расскажи, что ты написала?

Но Нешка притворилась спящей и ничего не отвѣтила. Грунька обозлилась.

«Погоди, расскажу про твои письма!»—думала она засыпая.

Подметывая юбку для широкозадой заказчицы Глафира выдала нешкину тайну.

— Дѣвушки, что я вамъ расскажу! Наша-то Нешка любовныя письма пишетъ! Ну, молчаливица! Что скажешь?

Нешка съежилась и сразу вспотѣла.

— Грунька давеча наслетничала. Говорить, наша-то Нешка написала въ армию своему. И гдѣ ты его подцѣпила? Навѣрно нынче лѣтомъ, въ Таврическомъ. Ульяна Петровна узнаетъ, по головкѣ не погладитъ!

Неша упорно молчала, глотая слезы. Отсырѣвшая иголка плохо слушалась, а бѣлая нитка стала какой-то сѣрой.

Съ тѣхъ поръ Нешкѣ прохода не давали.

— А твой-то не очень разблагодарствовался—табакъ выкурилъ, письмо выбросилъ.

— Что онъ—брюнетъ или блондинъ? И что онъ въ тебѣ, соплявой, нашелъ?

Утѣшала ее только Малина.

— Ты, дѣвонька, не славайся, а, главное, молчи. Напрасно Грунькѣ-то разболтала. Погоди маленько, отвѣтъ будетъ.

Долго, почти ежедневно думая о «немъ», Нешка уже точно знала, какой «онъ». Калигвардъ. Она ясно видѣла, какъ онъ, блистающій золотыми доспѣхами, въ каскѣ съ орломъ, носится на ворономъ конѣ по полямъ сраженія и рушитъ врага, а подъ золотой кирасой, на самомъ сердцѣ, лежитъ у него письмо Нешки. Не пишетъ, потому что некогда, но помнить ее и любить.

— Дѣвушки, раненыхъ сегодня видѣла,—рассказывала Глафира.—Въ трамвайныхъ вагонахъ везли. Молодецъ къ молодцу. Городовой говоритъ, санитарный поѣздъ пришелъ. Ужъ я всѣ глаза проглядѣла, не пріѣхалъ ли мой-то, Трофимъ.

Неша все поняла. «Онъ» не отвѣчаетъ, потому что раненъ, а, можетъ быть, убитъ?

Бросила рукавъ, побѣжала на кухню.

— Малина! А вдругъ онъ раненъ?

— Все можетъ статься, не чугушный. А ты Богу молись, неча нюни-то распускать.

III.

Наконецъ отвѣтъ пришелъ, въ самый крещенскій сочельникъ. Какъ на зло, Нешки дома не было, съ заказомъ уходила.

Дверь открывала Грунька, малограмотная, не знала кому, передала Глафирѣ.

— Дѣвушки, Нешкѣ-то нашей письмо! «Петроградъ, Гусевъ переулочъ, Ненилѣ, г-жѣ Богдановой». Не иначе какъ отъ «него». Странно только, что съ маркой, да еще городской! Ну, дѣвушки, прочитать надо.

И она быстро распечатала письмо.

«Многоуважаемая барышня и сестрица Ненила г-жа Богданова.

«Подарочекъ вашъ получилъ, за чего сердечно благодаримъ. И отъ души и сердца благодаримъ, что не забываете насъ, защитниковъ родины. Подарочекъ вашъ пришелъ какъ разъ въ сочельникъ. Намъ вѣдался тотчасъ отвѣтить вамъ, дорогая барышня, да Богъ не привелъ. Въ самый перьвый день

Г. К. Лукомский. Костел доминиканцев. Львовъ,

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

празника Рождества Христова былъ на развѣдкѣ, и проклятый германецъ угодилъ мнѣ вражеской пулей въ ногу. Я остался въ строю, за что представленъ къ Георгію. Нынѣ меня привезли въ славный городъ Петроградъ и нахожусь я въ 132-мъ городскомъ лазаретѣ, по Забалканскому проспекту. Самъ я воронежскій, и такъ какъ, не имѣя родственниковъ и знакомыхъ, прошу васъ, дорогая барышня, посѣтить меня и принести, если на то будетъ милость ваша, табачку. Кисеть вашу бѣлоснѣжный при мнѣ, а курева нѣтъ.

«Проздравляя васъ съ наступившимъ Новымъ Годомъ, остаюсь съ почтениемъ унтеръ-офицеръ драгунскаго вознесенскаго полка, Игнатій Тимохинъ».

Когда Нешка вернулась, Малина рассказала ей все, какъ было. Сначала Нешка обидѣлась, а потомъ обрадовалась. Пусть всѣ знаютъ, какой онъ герой. Издѣваться перестанутъ.

И дѣйствительно, насмѣшки какъ рукой сняло, даже Глафира не издѣвалась. Ульяна Петровна сразу дала тонъ.

— Завтра Крещеніе. Ты, Глафира, и поѣзжай съ Нешкой въ больницу, — гдѣ ей одной! — а Малина пироги спечетъ.

Цѣлый день проговорили о «немъ», называли «нашъ драгунъ» или «Игнаша».

Въ Крещенье Глафира пришла спозаранку, принарядившись.

Пообѣдали наскоро, и начались сборы. Съ общаго согласія рѣшили на извозчикѣ ѣхать, гдѣ тутъ на трамваѣ, съ пересадками, еще малининъ пирогъ уронишь.

Ѣхали долго. Извозчикъ плохой попался. Снѣгъ глаза слѣпилъ. Все больше молчали. Знали другъ про дружку, что думали о «немъ».

— Нешка, а вдругъ онъ — старый, бородастый, изъ запасныхъ, да еще женатый! Вѣдь въ письмѣ ничего не сказано.

Нешка не знала, что отвѣтить. Если онъ — драгунъ, а не калитвардъ, какъ она думала, почему не быть ему женатымъ? Да и не все ли равно, какой онъ на самомъ дѣлѣ? Настоящій — тотъ, о которомъ она денно и ночью думала, котораго она сразу любила, когда надписывала на конвертѣ: «Для васъ».

Она всегда будетъ любить того, настоящаго. Останется на всю жизнь ему вѣрна, ему одному.

— Ну, не спи! — толкнула ее Глафира, — пріѣхали.

У подъѣзда большого новаго дома развѣвался флагъ съ краснымъ крестомъ.

Вылѣзли, долго спрашивали швейцара. Говорить, въ третьемъ этажѣ.

— Не желаете ли на лифтѣ подняться, сударыня, — предложилъ швейцаръ, пораженный роскошью глафирина бархатнаго «манто».

Глафира лифта не пожелала, пошла по лѣстницѣ. Нешка несла за ней пирогъ. Салфетка до сихъ поръ была теплая.

— Глафира Семеновна, миленькая — вы уже однѣ дальше идите! Я тутъ подожду! — сказала Нешка на первой площадкѣ.

— Что ты, дура, кочевряжишься! То цѣлый мѣсяцъ письма ждала, а то и видѣть его не хочешь!

Но Нешка уперлась: не пойду и не пойду.

— Некогда мнѣ съ тобой тутъ хороводиться. Хочешь въ дуракъ оставаться — не препятствую.

Выхватила у Нешки пирогъ и быстро стала подниматься.

Нешка спустилась внизъ, къ швейцару. Присѣла на деревянный желтый стулъ съ высокой спинкой. Ей было не по себѣ. Воротъ ватнаго пальто душилъ пуховый платокъ на головѣ казался тяжелымъ.

Она тихо встала и вышла на улицу.

Домой вернулась позже Глафиры. Ее знобило. Ульяна Петровна уложила ее въ гостиной, на жесткомъ длинномъ диванѣ, поила липовымъ чаемъ, и устала Нешка забылась.

А Глафира, сидя за самоваромъ, болтала безъ умолка, остановиться не могла.

— Росту небольшого, щупленькій, бѣлокурый, носикъ востренькій. И знаете что, дѣвушки? На моего-то, на Трофима, страсть какъ похожъ!

— А когда же, Глафира Семеновна, онъ къ намъ въ гости придетъ? — угодливо спросила Маша.

Но Глафира не отвѣтила, точно не слышала, восторженно смотрѣла куда-то вдаль.

Ив. Данковъ.

Во Францији. 1) На молитвѣ. 2) Слѣдятъ за «таубе».

А. МЕЙЕРЪ.

ЧАСТНОЕ И ОБЩЕЕ.

50-лѣтній юбилей международной ассоціаціи рабочихъ совпалъ съ началомъ великой катастрофы, переживаемой Европой.

Ассоціація ставила себѣ задачей свести всѣ потоки движенія въ одно русло и создать силу, которая положила бы предѣлъ враждебнымъ столкновениямъ народовъ. Казалось поэтому, что именно въ тотъ моментъ, когда внутреннія противорѣчія жизни привели старый міръ къ полной разрукѣ, ассоціація могла бы выступить со своимъ властнымъ словомъ.

Но этого-то слова у нея и не оказалось. Событія за-стали ее не готовой къ серьезному выступленію.

Дѣло однако не въ одной только неподготовленности и не въ томъ, что массы недостаточно созрѣли для осуществленія столь грандіозной задачи. Извѣстную вину за это несетъ на себѣ та идеологія, которая провозглашена была официальнымъ исповѣданіемъ ассоціаціи и которая несомнѣнно опредѣляла собой общій духъ самой работы.

Нѣкоторые представители ассоціаціи, особенно германцы, именно въ единствѣ идеологіи и видятъ для себя главное утѣшеніе. Пусть ассоціація не уничтожила національной розни, но зато марксизмъ въ ней утвердился прочно.

Если единство ученія не приводитъ къ единству дѣйствія, то не значитъ ли это, что само ученіе не таково, чтобы оно могло дать движенію живой лозунгъ? „Всюду царитъ, — говорится въ юбилейной статьѣ, — полное согласіе въ томъ, что обязанностью рабочей партіи всякой страны является охраненіе національной самостоятельности, если понадобится, даже съ оружіемъ въ рукахъ“. Вотъ тотъ лозунгъ, который оказался единственно дѣйственнымъ въ критическій моментъ. Противъ этого лозунга конечно мы меньше всего возражали бы. Но согласіе по данному вопросу царитъ и между другими партіями всѣхъ странъ, — и выдвигать его, какъ заслугу марксизма, не значитъ ли признавать слабость марксизма?

Между тѣмъ это вовсе — не случайная обмолвка автора статьи. Эволюція, которую продѣлалъ марксизмъ за послѣднія десятилѣтія, не могла не завершиться такимъ „согласіемъ“.

Вначалѣ ученіе это ссызывалось съ живымъ ожиданіемъ того момента, когда весь буржуазный міръ столкнется съ нарождающимся обществомъ будущаго. Представленія о грядущемъ были очень упрощены и наивны, но они намѣчали пути преодоленія противорѣчій. Мало-по-малу они отодвинулись на задній планъ. „Просвѣщенный“ марксизмъ готовъ былъ увидѣть въ нихъ наслѣдіе изжитого утопизма. Вниманіе направилось на совершенно инныя возможности, а потому и на иную форму движенія. Реальная сила создавалась путемъ организаціи массъ и вліянія на законодательство въ рамкахъ отдѣльныхъ государственныхъ и національныхъ единствъ. Это вернуло дѣятелей международной ассоціаціи въ ихъ отечества.

Марксизмъ, какъ это ни кажется страннымъ, облегчилъ поворотъ въ эту сторону, — хотя бы ужъ потому, что въ немъ не было данныхъ для обоснованія его первоначальныхъ чаяній.

Марксизмъ вскрывалъ противорѣчія современной экономической жизни. Въ области же общихъ вопросовъ это ученіе было нѣмо. Оно примыкало всецѣло къ материалистическимъ и позитивистскимъ настроеніямъ, господствовавшимъ въ широкихъ кругахъ буржуазной интеллигенціи. Дальше этого „философія“ марксизма и не должна была идти, потому что само движеніе еще не связывало себя съ предвидѣніями новаго содержанія жизни, новой культуры. О „новой культурѣ“, правда, говорилось, но существомъ ее мало интересовались.

Если движенію, о которомъ мы говоримъ, предстоитъ связать себя съ надеждами на обновленіе самого содержанія жизни, его идеологія уже не сможетъ оставаться при убогихъ рѣшеніяхъ основныхъ проблемъ жизни въ плоскости позитивизма или материализма. Сложныя и глубокія проблемы, выдвигаемыя и рѣшаемыя въ вѣкахъ религіознымъ сознаніемъ человѣчества, уже не должны быть снимаемы со счета. Для того, чтобы новая правда преобразила жизнь въ ее живомъ и богатомъ содержаніи, эта правда должна скрывать въ себѣ возможные рѣшенія всѣхъ вопросовъ жизни, а въ такомъ случаѣ и ее реализація возможна не иначе, какъ въ формѣ религіознаго дѣланія.

И несомнѣнно, что, когда движеніе станетъ болѣе зрѣлымъ, оно потребуетъ для себя и болѣе глубокой, болѣе живой, болѣе зрѣлой идеологіи.

Въ частности богатая, живая, въ кровь и плоть облеченная, правда національнаго единства никогда не можетъ быть замѣнена сухимъ, механическимъ, „позитивнымъ“ началомъ интернаціонализма. При первомъ же рѣшительномъ столкновеніи съ тѣмъ строемъ идей, который опредѣляется національнымъ, культурнымъ творчествомъ, идея интернаціонализма оказывается побѣжденной.

Произошло это потому, что интернаціонализмъ совершенно чуждъ началу личности. Личность не утверждается, а отрицается сниманіемъ національныхъ различій, индифферентнымъ отношеніемъ къ національнымъ призваніямъ. Путь утвержденія личности лежатъ черезъ принятіе національнаго, при отрицаніи національной ограниченности и того подчиненія личности личной цѣнностямъ національнымъ, которое характеризуетъ націонализмъ. Этимъ путемъ ведетъ насъ религія, ставящая предъ нами идеалъ вселенскій. Вотъ почему только религіозная идеологія могла бы дать движенію лозунгъ, который противопоставлялъ бы идеаламъ узко націоналистическимъ идеаламъ не менѣе, а болѣе богатые.

А. Мейеръ.

Заслуженный артист В. Н. Давыдов (X) произносит речь на могиле В. В. Стрельской.

ВЪСТИ И МНѢНІЯ.

Въ театральной Москвѣ.

Несмотря на то, что все (къ счастью—ошибочно) предвѣщало плохой сезонъ, московскіе театры не только не пошли по пути своихъ петроградскихъ собратьевъ, но даже обогатились еще нѣсколькими новыми серьезными предприятиями, болѣе чѣмъ далекими отъ намѣренія „спекулировать на Калишъ или Реймсъ“. Эпидемія ложно-патріотическаго репертуара, такъ яростно свирѣпствовавшая въ первой четверти петроградскаго театрального сезона, совершенно не коснулась Москвы, которая отдалась своимъ художественнымъ исканіямъ съ прежней настойчивой страстью, какъ если бы ничего вокругъ абсолютно не измѣнилось.

Это особенно характерно именно для Москвы, потому что, съ другой стороны, ни одинъ городъ не реагируетъ на войну такъ отзывчиво, какъ она. Нигдѣ война не пронизала до такой степени всю толщу общественнаго настроенія, какъ въ Москвѣ. Какъ легко было бы при этихъ условіяхъ впасть въ соблазнъ и допустить небезвыгодное смѣшеніе псевдо-искусства съ псевдо-патріотизмомъ! И именно потому, что Москва этого не сдѣлала, будетъ небезынтересно побесѣдовать о тѣхъ московскихъ театральныхъ предприятияхъ, которыя сумѣли собрать аудиторію даже въ это неблагоприятное дождественное время. Конечно я оставляю въ сторонѣ болѣе армейскія, уже утвердившіяся театры, какъ Художественный, Злобина и Зимина: болѣе показательнымъ будетъ обзоръ всѣмъ молодыхъ предприятий.

„Укрощеніе строптивой“—репертуарная пьеса и ставится сто. Но обыкновенно всѣ старанія режиссуры по отношенію къ этой пьесѣ выражаются въ стремленіи „облагородить“ экспрессивнаго, „смягчить“ его терпкій, грубоватый юморъ,

„осмыслить“ логическія несообразности интриги. Почему-то никому не приходило въ голову, что перерожденіе Катарини подлѣ влияніемъ воспитательной системы Петруччіо—психологически настолько нежизненно и неправдоподобно, что невозможно предположить, будто творецъ „Гамлета“ могъ придавать этому произведенію бытовую или психологическую цѣнность. И обыкновенно „Укрощеніе строптивой“ ставилось обстановкачно и въ комедійныхъ тонахъ.

Театръ Суходольскаго приступилъ къ дѣлу иначе. Режиссура не только не отбросила прологъ (какъ это часто дѣлается), но извлекла изъ него руководящія указанія для общаго тона постановки.

Конечно вы помните содержаніе пролога. Желая пошутить надъ опившимся до безчувствія ремесленникомъ Слаемъ, знатный лордъ приказываетъ перенести пьяницу къ себѣ въ замокъ и по пробужденіи увѣряетъ, будто онъ, Слай, всю жизнь былъ богатымъ баринкомъ. Тутъ заходятъ бродячіе комедіанты, и лордъ приказываетъ имъ сыграть чтонибудь для Слая, предупреждая, что этотъ „лордъ“ еще никогда не видывалъ театрального представленія. Тогда комедіанты разыгрываютъ „Укрощеніе строптивой“.

Что же можно вывести отсюда? Во-первыхъ, ясно, что бродячіе музыканты не могли носить за собой декораций, не говоря уже о томъ, что въ тѣ времена декоративная сторона была упрощенной даже въ постоянныхъ театрахъ. Во-вторыхъ, не менѣе ясно, что, имѣя предъ собой совершенно незаготовленного зрителя, бродячіе комедіанты должны были избрать чтонибудь наиболѣе легкое—не мелодраму и не трагедію, а фарсъ или—еще естественнѣе предположить—комедію del'arte, то есть комедію безъ писаннаго текста, въ которой любой анекдотъ развивался артистами въ представленіи.

Сообразно съ этимъ и идетъ „Укрощеніе“ у Суходоль-

скаго. Большая комната рыцарскаго замка, куда въ прологѣ перенесли пьянаго Слая, все время служитъ декоративнымъ фономъ. Пьеса разыгрывается среди условныхъ ширмъ и естественно ведется не въ комедійно-бытовыхъ, а въ такихъ же условныхъ тонахъ площаднаго гротеска-экспромпта. Артисты безконечно буффоняютъ, паясничаютъ, но это нисколько не шокируетъ зрителя. Наоборотъ, именно въ этой буффонадѣ съ наслажденіемъ смакуешь и постигаешь громадный и тонкій даже въ грубости талантъ Шекспира!

Сообразно съ общимъ тономъ постановки интересно продуманы отдѣльныя режиссерскія детали.

„Театръ имени В. О. Коммисаржевской“ основанъ братомъ покойной, О. О. Коммисаржевскимъ, изъ чувства пиетета къ памяти великой артистки. Но, кромѣ имени, которое въ данномъ случаѣ „естъ звукъ пустой“, ничто въ этомъ театрѣ не говоритъ намъ о незабвенной Вѣрѣ Федоровнѣ. Въ залѣ повѣшенъ ея портретъ, но больше ничто не связываетъ созданіе О. Коммисаржевскаго съ его покойной сестрой.

Крошечный залъ мѣстъ на 200—300, при отсутствіи подмостковъ и рампы. Ставятъ здѣсь преимущественно инсценировки по типу, созданному Художественнымъ театромъ: чтець читаетъ разсказъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не поддаются сценическому воплощенію. Такимъ образомъ оригинальности здѣсь не вици. Что же касается исполненія, то трупица—не изъ сильныхъ, постановка—не очень бережная и тщательная. Неужели въ глазахъ О. О. Коммисаржевскаго Вѣра Федоровна не заслужила болѣе достойнаго памятника?

Но, если отбросить неудачное посвященіе и связанную съ нимъ претенціозность, то новый театръ конечно надо только привѣтствовать. Конечно Америки онъ не открываетъ, но и топтанья на мѣстѣ въ немъ тоже нѣтъ. Я смотрѣлъ тамъ инсценированный разсказъ Диккенса, „Гимнъ Рождеству“, и, не вынеся какихъ-нибудь сильныхъ художественныхъ впечатлѣній, все же получилъ ощущение отдыха. И во всякомъ случаѣ для Москвы, такъ полно и страстно уходящей въ войну, подобный „театръ отдыха“—приятное приобрѣтеніе.

Евг. Мауринъ.

ХРОНИКА.

Въ Академіи Художествъ сдѣлано пріятное открытіе. Хранившіяся съ 1857 года въ кладовой картины, приписываемыя третьестепенному итальянскому художнику Костелли, при внимательномъ разсмотрѣніи оказались работами интереснаго генуэзскаго художника Маніаско (1667—1748 гг.), изображавшаго полублагочестивую, полуразнузданную жизнь своей эпохи. Въ прошломъ году въ Берлинѣ происходила выставка картинъ Маніаско, вызвавшая къ себѣ большой интересъ. Словомъ, Академія Художествъ обогатилась цѣнными картинами.

Кромѣ поступившей недавно въ Эрмитажъ извѣстной коллекціи П. П. Семенова-Тянь-Шаньскаго, туда же поступаетъ еще обширная коллекція, завѣщанная однимъ собирателемъ изъ Царскаго Села. Коллекція состоитъ изъ разнаго рода оружія, фарфора, миниатюръ и картинъ старыхъ иностранныхъ мастеровъ, среди которыхъ преобладаютъ картины фламандской школы. Эти новыя приобрѣтенія снова выдвигаютъ вопросъ о расширеніи помѣщеній Эрмитажа.

Элисъ, небезызвѣстный сотрудникъ «Вѣсовъ», поэтъ и авторъ книги «Русскіе символисты», выпустилъ

въ изданіи «Мусаетъ» книгу подъ названіемъ «Vigilemus», въ которой даетъ отчетъ о своихъ религіозныхъ странствованіяхъ по Германіи, которыя онъ предпринялъ съ группой литераторовъ и молодыхъ философовъ. У автора была задача «прослѣдить стезю великаго историческаго разрыва между Богомъ и человѣкомъ» при посредствѣ отказа отъ рационализма и возврата къ древнему пути. Этимъ путемъ оказалось для него католическое средневѣковье—св. Францискъ и Ома Авинскій.

Почитатели журнала «Старые Годы», въ началѣ войны прекратившагося, будутъ пріятно обрадованы сообщеніемъ, что журналъ объявилъ о подпискѣ на 1915 годъ и о томъ, что въ скоромъ времени будутъ выпущены недостающіе выпуски за 1914 г. Одинъ изъ такихъ выпусковъ будетъ посвященъ Гатчинскому дворцу. Въ выпускъ войдетъ 600 иллюстрацій.

Въ Парижѣ скончался плодовитый драматургъ Кайавэ, совмѣстно съ неизмѣннымъ своимъ сотрудникомъ Р. де Флеромъ являвшійся поставщикомъ пьесъ почти для всѣхъ французскихъ театровъ. Въ ихъ дѣятельности происходило точное раздѣленіе труда. Покойному обычно принадлежалъ замыселъ пьесы и структура ея; де Флеръ же «писалъ» пьесу и, какъ имѣвшій вліяніе въ качествѣ театрального критика, пристраивалъ ее въ театрѣ. За непродолжительное время своей совмѣстной дѣятельности оба драматурга стали богачами. Особо нымъ успѣхомъ пользовались послѣднія пьесы драматурговъ-близнецовъ: «Король» и «Священная роща». Нравы высшихъ слоевъ третьей республики были въ нихъ жестоко осмѣяны. Къ сожалѣнію сатира эта бичевала нравы не во имя будущаго, а во имя реакціоннаго прошлаго, которое всегда оставалось дорого парижскимъ Аристофанамъ.

Къ рисункамъ Г. К. Лукомскаго.

1) Львовскій соборъ (римско-католическій) — постройка восходящая основаніемъ своимъ къ первымъ годамъ строительства города, т. е. къ XIII—XIV вѣкамъ.

Эта готическая основа его уцѣлѣла и до нашихъ дней. Главный корпусъ съ готическими окнами и основа башни—времени Иво Одровонжа, основателя собора, заложеннаго при Казимірѣ Великомъ.

Въ XVI, XVII вѣкахъ соборъ обстроенъ былъ постепенно рядомъ каплицъ, нѣкоторыя изъ которыхъ, напр. *каплиця Иво*, постр. арх. т. Павла Римлянина (рис. на стр. 11),—лучшія сооруженія эпохи ренессанса во Львовѣ. Скульптурныя украшенія каплицъ Я. Пфистера.

2) Соборъ *уніатскій св. Юра* (Юрія-Георгія), начатый постройкою на мѣстѣ древней часовни монаховъ-базилианъ Атаназіемъ, митрополитомъ Шептицкимъ, въ 1746 г., оконченъ былъ Леономъ Шептицкимъ. Постройку велъ архитекторъ Янъ де Витте, знаменитый зодчій XVIII вѣка, строитель костела оо. доминиканцевъ, ратуши въ Бучичѣ, осуществившій свои замыслы особенно благодаря инициативѣ и средствамъ Юсифа и Николая Потоцкихъ.

Соборъ св. Юра—отличный примѣръ импозантнаго барокко. Прекрасный куполъ покоится на четверикѣ и опирается какъ бы на мощный порталъ, имѣющій видъ триумфальной арки, на которую поставлена конная статуя святого. Къ сожалѣнію внутри роспись очень плохая (1876 г.). Вокругъ собора—постройки жилья и служебныя, всѣ въ стилѣ барокко. Высоко на холмѣ, окруженный елями, соборъ представляетъ очень красивое архитектурное зрѣлище. Съ площади собора открывается чудный видъ на городъ и окружающія его горы (рис. на стр. 13).

3) *Костель доминиканцевъ* — тоже произведеніе Я. де Витте; оно болѣе похоже на римскія барочныя церковныя сооруженія. Планъ купола, что особенно интересно, овальный. Порталъ, прихотливый въ планѣ (вогнутый и украшенный колоннами и многими статуями), очень интересенъ. Костель построенъ въ 1749 году на средства гетмана Юсифа Потоцкаго. Къ сожалѣнію тѣснота прилегающихъ улицъ мѣшаетъ любоваться костеломъ. Колокольню пристроили въ 1865 году (рис. на стр. 15).

Несмотря на общедоступность цены, ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ издано изящно, четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, въ красной обложкѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ И ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціею Д. В. ФИЛОСОФОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены портреты автора на мѣловой бумагѣ и его биографія. Обложка худ. Д. И. Митрохина. Изданіе начнется съ романа „Война и Мирь“, за которымъ послѣдуютъ ВСЕ остальные произведенія Л. Н. ТОЛСТОГО, и будетъ дано въ 1915 г. ввидѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ журналамъ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голосъ Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей ВСѢХЪ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событий, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонко-художественный матеріалъ, равно какъ и фотографические снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Бруссина, В. Верхоустина, З. Гиппиуса, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Роллина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Иречкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нецитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Янауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и 82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта — 2 р., къ 1-го іюня — 2 р., къ 1-го августа — 1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ — 4 р. 50 к., за полгода — 2 р. 50 к., за 3 мѣс. — 1 р. 35 к.

При подпискѣ необходимо точно указывать избранный журналъ и число книгъ. — Подписка адресуется въ Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и 2) Садовая, д. 20

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — еженедѣльный иллюстрированный ЖУРНАЛЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными разсказами — новинками русской и иностранной литературы и проч. — ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. илл. отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод.), ОТРЫВНОЙ

КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная

КАРТИНА-ПРЕМІЯ — „СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. 7 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта — 1 р. 50 к., къ 1-го іюня — 1 р. 50 к., къ 1-го августа — 1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и

50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ЛЬВА НИК. ТОЛСТОГО

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ — ДВА (2) р., къ 1-го марта — 1 р. 50 к., къ 1-го іюня — 1 р. 50 к., къ 1-го августа — 1 руб.

Ввиду высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. ТОЛСТОГО, будетъ обращено особенное вниманіе на ТЩАТЕЛЬНОСТЬ ПЕЧАТИ и ИЗЯЩЕСТВО ВНУТРЕННЕГО ВИДА полнаго собранія его сочиненій.

Каждый НОВЫЙ подписчикъ получаетъ ВСѢ НОМЕРА журналовъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ или „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ съ приложеніями, начиная съ № 1-го.

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательно ли получать журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО, или БЕЗЪ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО.